

П.С. Шевырев

Перечень Наблюдателя

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_perech_nab.html

Первый номер "Современника" нынешнего года произвел на нас такое приятное и редкое в современной нашей словесности впечатление, что мы не можем не передать его нашим читателям. Это лучший памятник, каким до сих пор словесность наша почтила покойного Пушкина; это литературная тризна, которую избранные писатели наши по нем совершают, принося дань своих произведений! В то время, когда одна корысть, почти один двигатель журнальной литературы у нас, сталкивает в одном издании людей совершенно разнородных и по мнениям, и даже по языку, в то время приятно видеть, что одна бескорыстная, чистая мысль соединяет в один круг лучших писателей наших. Мы уверены, что еще многие принесут "Современнику" дань свою. Все они собрались на могилу Пушкина... Но при этом грустно подумать: неужели надобно было совершиться такой ужасной, такой незаменяемой утрате для того, чтобы родилось столь благородное, новое соединение в избранном сословии наших литераторов? Неужели одна только могила Пушкина могла связать их мысли в одно и совокупить их для такого прекрасного дела? Грустно думать, если это правда, что до подобного состояния дошла русская словесность благодаря успехам торгового направления.

С сильным чувством грусти и наслаждения прочли мы весь номер. Он начинается печальным рассказом о том событии, которым так несчастно открылся нынешний год нашей литературы: Жуковский, глава поколения, предшествовавшего Пушкину, передает плачевный рассказ отцу его и потомству: грустные и многозначительные страницы в будущей истории русской словесности! Смерть поэта была сама великою драмою, в которой ознакомились все добрые чувства нашего Отечества, в которой в одну высокую печаль сливались и царь, и народ о любимом певце русском. Приятно заметить, с какою нежною и просвещенною заботливостью друзья Пушкина, окружавшие одр его, сохранили всякое слово, вылетевшее из уст поэта во время его болезни и кончины. Едва ли какая-нибудь литература может указать нам на такой же подобный некрологический акт, которым теперь так печально обогатилась наша словесность. Мы не знаем с такою подробностью ни последних минут Гёте, ни Шиллера, ни Валтер Скотта. Мы этим обязаны друзьям Пушкина. Никто из современников наших не может без глубокого чувства внутренней скорби прочесть страниц, диктованных трогательною заботливостью дружбы и упитанных ее слезами.

Пушкин, еще как журналист, оживляет первый номер. Мы видим, среди каких планов и занятий застала его смерть. Писесы, заготовленные им для журнала, помещены здесь. Забываясь, как будто воображаешь, что он еще жив, что он еще сам тут хозяйничает и работает. Но читая три последние стихотворения его, необыкновенно стеснительно думать, что это уже *последние* стихи Пушкина, что мы таких стихов не прочтем уже более... Они особенно замечательны своим содержанием и довершают нам портрет его, как человека. "Лицейская годовщина" внушена тем неизменным чувством дружбы, которое составляло самую резкую черту в нравственном характере Пушкина. Дружба была для него чем-то святым, религиозным. Она доходила в нем даже до литературного пристрастия: часто в поэте он любил и горячо защищал только своего друга. Это чувство должно было откликнуться в нем незадолго до его смерти: предчувствий души поэтической необыкновенны, непостижимы для нас. Недаром в трех последних пьесах Пушкина отзываются три знаменательные, великие мысли прекрасной души его.

Его "Молитва", дышащая всею красою христианского покаяния, умиляет сердце другим чувством, которое, как мы видим, постоянно покоилось в душе его, но никогда не преобладало в поэзии: это чувство -- религиозное. Неужели даром такое вдохновение осенило душу поэта незадолго до его кончины? Он верно и прежде слышал очистительную молитву покаяния; но отчего же в последнее время жизни эта молитва отзывалась таким сочувствием в душе его и сказалась ему на всегдашнем его языке? В роковых переломах нашей жизни всегда со дна души поднимаются ее основные, внутреннейшие чувства: среди обыкновенного течения дней они забыты, засорены впечатлениями света, заботами и суетами поминутными. Это клад души, который она бережет про черный день, и когда он наступает, когда приходит тяжкое испытание, тогда чистеет дно души, и с него-то, если не пуста, поднимается жаркая молитва.

Одно из последних стихотворений Пушкина свидетельствует нам, что глубокое религиозное чувство всегда таилось на светлом дне души его: оно так сильно обнаружилось и в последние минуты его